

1. Первобытный родовой коммунизм.

Прямых данных об экономических отношениях собственно *первобытного* человека нет, да и быть не может. Единственное, что могло сохраниться непосредственно от него, — это кости скелета, открываемые в древних геологических отложениях. От формы костей возможны некоторые обратные заключения к формам борьбы первобытного человека за свое существование.

Наблюдения над высшими обезьянами, наиболее близкими к человеку, тоже дают некоторую возможность представить себе жизнь докультурного человека. Но здесь необходимо соблюдать величайшую осторожность. Современные четверорукие, конечно, во многих отношениях отличаются от тех предшественников первобытных людей, которые жили среди первобытной природы.

Жизнь современных дикарей дает ценный материал для того, чтобы косвенно установить основные черты экономических отношений первобытного человека.

Знакомясь с примитивными орудиями и техническими приемами современных дикарей, исследователь может до известной степени представить себе жизнь человека в предшествующие эпохи развития, когда техника стояла еще ниже. Он сопоставляет современные орудия дикарей с орудиями, открываемыми при раскопках: анализирует следы доисторических общественных отношений, сохраняющиеся в обычаях, религиозных представлениях, культе, сказаниях, строении речи, корнях слов и т. д. у культурных народов, сравнивает результаты анализа с соответствующими явлениями у дикарей и приходит таким образом к тому, что устанавливает по крайней мере некоторые этапы развития, общие для всего человечества.

Однако, и при использовании этого материала приходится соблюдать некоторые предосторожности.

Во-первых, все дикари, о которых сообщают нам путешественники, стоят уже на довольно высокой ступени развития. У ~~всех~~ этих дикарей техника оставила далеко позади

степень первичных орудий, каковыми были, по всей вероятности, палка и камень; все они ко времени открытия их европейцами уже применяли такие сложные орудия, как копье, лук или бумеранг, и, повидимому, почти все были знакомы, если не с добыванием огня, то с его применением. Наконец, в связи с развитием техники, у всех этих дикарей достиг уже сравнительно высокой выработанности членораздельный язык. Таким образом, наблюдения над ними дают в первую очередь материал для заключений об отношениях человека, уже вышедшего из докультурной эпохи, и лишь косвенно материал для воссоздания жизни первобытного человека.

Во-вторых, то, что путешественники обычно называют дикими племенами, не представляет чего-то однородного. Считаясь с этим, исследователи стараются классифицировать их, но при этом в основу группировки обыкновенно кладут какой-нибудь внешний, чисто случайный признак, напр., способ добывания пищи, понимаемый в самом грубом, упрощенном смысле: низшие охотники, высшие охотники, кочевники, низшие земледельцы (Гроссе). Получив такие внешне однородные группы, исследователь уже не замечает, что, напр., степень развития обмена обуславливает внутри каждой группы иногда более значительные различия в «формах хозяйства», чем между племенами двух соседних групп.

В-третьих, научные наблюдения над дикарями начинаются сравнительно поздно. Только развитой капиталистический способ производства, характеризующийся нескончаемыми переворотами во всех общественных отношениях, создает необходимые предпосылки для такого рода наблюдений. Старинным путешественникам, впервые встречавшимся с дикарями, чужда была мысль, что в жизни и обычаях дикарей они могут открыть элементы доисторического быта цивилизованных народов. Для их статического мышления, чуждого идее развития, дикари отделялись от цивилизованных народов непроходимой пропастью. Наблюдательность по отношению к дикарям могла изощриться лишь после того, как ее изощрили бурные изменения в обществах самих путешественников.

В-четвертых, к тому времени, когда сложились необходимые предпосылки для действительного изучения быта дикарей, последние уже успели подвергнуться всевозможным воздействиям со стороны европейцев. Общие условия жизни диких племен коренным образом изменились. Иногда трудно, почти невозможно решить, представляет ли известное явление первоначальный элемент жизни дикого племени или же результат исключительно новейших внешних влияний. Племя вытесненное из своих прежних обиталищ и поставленное в совершенно новую обстановку, быстро деградирует: техника падает, общественные связи разлагаются, и лишь сравнительно развитый язык некоторое время напоминает о том, что позади лежит эпоха более тесных и широких общественных

оттеснений. Но всей вероятности, именно так объясняются, напр., факты, лежащие в основе конструированного Бюхером «индивидуального искажения пицци», как первичной ступени хозяйства.

Наблюдение фактов неразрывно связано с их истолкованием. Путешественниками, впервые обратившимися к изучению жизни дикарей, были большею частью миссионеры. На их сообщениях отразилось мирозерцание их профессии: вера в происхождение всего человечества от одной супружеской пары, в существование единой, откровенной религии, общие корни которой забыты народами после внезапного их расхождения, в генетическое единство всех сходных отношений, обычаяв и сказаний у различных народов. Поэтому необходима научная критика первоисточников для того, чтобы извлечь из них действительно ценный материал.

Однако, даже после того, как религиозное, богословское мышление было оттеснено светским, естественно-научным, и случайный наблюдатель-миссионер сменялся специально подготовленным исследователем, это еще не гарантировало научной точности сообщений. Выросшие в отношениих буржуазного общества, путешественники в течение долгого времени не могли отрешиться от них при истолковании неизвестных, совершенно чуждых отношений. По мере того, как в недрах буржуазного общества разгорается борьба против него, непреднамеренные искажения, вытекающие из неспособности понять жизнь докапиталистического человека, усиливаются искажениями иного рода, вытекающими из нежелания понять ее. Частью бессознательно, а частью и совершенно сознательно наблюдения путешественников и их теоретическая разработка направляется не столько потребностями познания, сколько полемическими задачами. Например, древнее Перу, — своеобразное феодальное государство, построенное на базе марки, похожей на древнегерманскую, — изображается, как коммунистическое государство, и дает буржуазным писателям материал для запугивания ужасами, в котором повело бы осуществление «социал-демократических теорий». Зачатки современной собственности, отношения господства и подчинения, индивидуальный брак и семья, главенство отца открываются на таких ступенях культуры, где их появление, как ничем необусловленное, представляло бы настоящее чудо. Для объяснения последнего выдвигается новое чудо: неизменяемость и неизменяемость природы человека, полная независимость ее от изменяющихся условий существования.

Колониальная политика дала мощный толчок исследованиям, но она же наперед определила их результаты. Путешественники ставят своей задачей доказать, что высшей культуре принадлежит право на опеку над низшей, т. е. на варварскую эксплуатацию дикарей, на их подчинение жестокой дисциплине принудительного труда. Пионеры капиталистической культуры почти в один голос заявляют о вопиющей де-

ности дикарей и закрывают глаза на тот факт, что они затрачивают огромное количество трудовой энергии, обнаруживают поразительную выдержку и настойчивость в привычных для них сферах деятельности: в охоте и художественной промышленности, в кузнечном деле и производстве оружия. Путешественники перестают замечать, что всякая народность затрачивает такое количество труда, какое она может и должна затрачивать при данных экономических условиях.

Несмотря на все эти затруднения, основные этапы в развитии человечества можно признать более или менее установленными. Остается много пробелов, многое недостаточно выяснено. Но зато определилось основное направление, в котором надо искать объяснений. Современной науке удается установить преемственную связь между отдельными этапами, как последовательными ступенями развития, представить историю человечества как непрерывный процесс.

1. Техника первобытного человечества.

Непосредственный предшественник первобытного человека ничем не выделялся из остального животного мира. Это было четвероногое (или, вернее, четверорукое), применявшее в борьбе с природой только такие же средства, как и другие родственные ему животные. Исход борьбы определялся крепостью мышц, остротой и силой зубов и когтей, верностью глаза, тонкостью слуха, быстротой бега и лазанья. Это существо не делало орудий и вместе с тем не обладало такими зачатками человеческой речи и способностями создавать понятия, которые качественно возвышали бы его над животным миром. Оно не было еще человеком.

Преобразование его в человека неразрывно связано с началом применения орудий. Последнее не следует представлять себе как изобретение, т. е. как результат взвешивания и обдумывания, сознательно направленных к определенной цели. Не было оно и открытием, т. е. комбинацией, на которую предок человека натолкнулся случайно, но которой вслед затем он сознательно дал целесообразное применение. Для таких изобретений и открытий не было необходимых предпосылок: не было мышления, которое формулирует в понятиях связь вещей и законы их изменений и позволяет сознательно применять определенные средства для достижения определенных целей.

Применение орудий не возникло, как внезапное изобретение или открытие, а развилось, как медленный процесс изменений, охватывающий многие тысячелетия, быть может, целые геологические периоды. Изменения совершались, не доходя до сознания первобытного существа, как изменения, повышающие приспособленность зоологических видов, не доходя до сознания особей.

Первичные орудия представляли как бы простое внешнее воспитание, усиление или удлинение естественных органов. Камень, которым раскалывается твердая оболочка плода,—это тот же кулак, только более крепкий. Палка, которой сбивается высоко висевший плод,—это та же рука, только искусственно удлиненная и в связи с этим усиленная. Предок человека на первых ступенях развития применяет палку и камень от случая к случаю, берет их так, как они попадают к нему, не подвергает обработке, не носит постоянно с собою. Только в длинном процессе борьбы с природой применение орудий, как выгодное изменение, повышающее шансы на сохранение вида, закрепилось и приобрело регулярный характер.

Как ни просты были первоначальные орудия, они, тем не менее, оказали колоссальное действие. По мере применения первичных орудий рука всё более развивается в исключительно хватательный орган. Развиваясь в этом направлении, она становится не органом для какой-либо одной определенной трудовой операции, как у остальных животных, а универсальным органом, который, оперируя орудиями, замещает другие органы животного мира. Но таким развитием функций руки предполагается вертикальное положение туловища. Следовательно, с прогрессом применения орудий, с развитием их существо, делающее орудия, человек превращался из четвероногого в двуногое животное, превращался в собственно человека.

У других животных орудиями труда являются органы их тела. Процесс отбора совершается посредством изменения и дифференциации этих органов. У человека приспособление к изменяющимся условиям существования совершается в первую очередь посредством развивающегося применения и дифференциации орудий труда. Поэтому, начиная с той отдаленной эпохи, когда в Европе открываются первые несомненные следы человека, с дилuviального периода, отделенного от нас многими десятками тысячелетий, и до настоящего времени, тело человека претерпело, за исключением нервных центров, лишь незначительные изменения. Да и эти изменения носят вторичный, производный характер. Они обуславливаются процессом изменения орудий труда. Следовательно, с самого возникновения человека основным фактом его истории становится развитие производственной техники.

На первых ступенях применение орудий развивалось крайне медленно. Человек лишь в процессе борьбы с природой все более превращался в существо, делающее орудия.

В длинном ряду тысячелетий, под давлением суровой зоологической борьбы за существование, из простых орудий развились сложные. Соединение камня и палки посредством растительных волокон дало молот, который, благодаря изменениям формы камня, дифференцировался в каменный мо-

лог, кирку, топор и копьё с наконечником из острого камня или рыбьей кости. Раковины и осколки твердых камней послужили первоначальной формой ножа. Дальнейшее развитие выразилось в их дифференциации, в зависимости от особенных назначений и в усовершенствовании их обработки. Крепление камня и палки растительными волокнами в известных случаях заменилось насаживанием продольного камня на деревянную рукоять. Случайно найденные камни заменяются камнями, обработанными посредством отбивания и шлифовки. Все это предполагает уже очень высокую ступень развития человека, т. е. достаточно широкую пропасть между ним и остальным животным миром.

О жилище собственно первобытного человека едва ли приходится говорить. Временного приюта он искал в случайно попавшейся пещере, в дупле или на густых ветвях дерева. В тропических странах, вероятно, очень рано появляется сплетенный из ветвей зонт для защиты от жгучего солнца. Из него впоследствии развился шатер в различных его формах, служивший сначала, быть может, для защиты огня. Переносные и постоянные жилища постепенно возникли в позднейший период, одновременно со скотоводством и земледелием. Одежда тоже представляет позднейший продукт развития.

Применение огня относится к очень ранним ступеням культуры. Насколько возможно проследить в настоящее время его историю, его первоначальным источником послужила молния или лава, выброшенная извержением вулкана. Огонь не добывается, а берется и переносится. Первобытный человек переносит его с собой во всех своих странствованиях. Поддержание огня рано становится одной из главных забот первобытного человека. Сначала огонь служит исключительно для отпугивания диких зверей. Для приготовления пищи он применяется лишь впоследствии. Еще позже, — по всей вероятности, лишь на довольно высокой ступени развития земледелия, — развивается добывание огня трением деревяшки о деревяшку или посредством высекания искр из кремня. Но и здесь огонь добывается лишь при исключительных обстоятельствах. Как общее правило, он просто поддерживается или заимствуется у соседей.

Труд первобытного человека почти исключительно затрачивался непосредственно на добывание пищи и на борьбу против диких зверей. Сначала человек не был охотником в точном значении этого слова. Растительные вещества составляли очень важный, иногда преобладающий элемент его пищи. Вооруженный примитивными орудиями, он настолько же охотился за животными, сколько и крупные хищные звери за ним; животную пищу он более отыскивал и собирал, чем добывал посредством охоты. Земледельцем первобытный человек во всяком случае не был; он просто отыскивал

и брал плоды, корни и другие питательные части дико растущих растений.

Мясо млекопитающих, рыба, моллюски и т. д., оставшиеся на берегу после морского прилива или речных разливов, клубни, стебли и семена растений, поглощались первобытным человеком в том виде, как он их находил. Организм усваивал сравнительно небольшую часть съеденной пищи. Поэтому ее требовалось много больше, чем в позднейший период, когда ее усвояемость повышается разнообразными подготовительными операциями: размолом, печением, варкой.

Потребность в пище была основным стимулом хозяйственной деятельности первобытного человека. Почти вся его деятельность сводилась непосредственно к добычанию пищи. Побуждаемый голодом, человек отправлялся на поиски и продолжал их до тех пор, пока не являлась возможность утолить голод. Его трудовая энергия к тому времени обыкновенно исчерпывалась до конца. Наполнив желудок большим количеством малопитательной и неудобоваримой пищи, человек погружался в сон, так как процесс пищеварения требовал новой огромной затраты сил организма. Когда организм справлялся с трудной работой, голод опять побуждал человека к возобновлению поисков.

Первобытный человек не делал запасов. При бродячей жизни сохранение пищевых средств было бы вообще затруднительно. Сохранение мяса млекопитающих было невозможно. Крупные млекопитающие лишь в крайне редких случаях делались добычей первобытного человека. При низкой производительности труда, избытки не могли иметь места. Группа немедленно уничтожала все, что она добывала во время своих поисков.

Таким образом, затрата всей трудовой энергии первобытного человека была едва лишь достаточна для его пропитания. Весь его труд представлял *необходимый* труд, т. е. труд, безусловно необходимый для поддержания жизни. Вся энергия, которую человек усваивал в процессе питания, целиком затрачивалась на добывание пищи. Вся пища, которую он добывал, шла на восстановление энергии, затраченной в процессе труда. Прибавочного труда нет, прибавочный продукт отсутствует.

Власть природы над первобытным человеком была безгранична. Только с развитием орудий труда он шаг за шагом высвобождался из-под этой полной, непосредственной, зоологической подчиненности природе. Только с прогрессом техники, с возрастанием производительности общественного труда создавалась особая среда, которую человек противопоставлял стихийным силам природы. И только с развитием этой среды развивался и ум человека.

2. Стрoение первобытной группы

В конце прошлого века Бюхер выдвинул теорию «индивидуального искания пищи», как первоначальной формы хозяйства, и теорию полного отсутствия общественных связей, как исходной формы существования первобытного человека.

Выше уже сказано о недостаточности и сомнительности наблюдений, лежащих в основе этой теории. Еще более подозрительной покажется она, если мы обратимся к первоисточнику Бюхера, к книге Липперта, у которого Бюхер взял и самый термин, и главные факты.

Липперт, быть может бессознательно для него, преследует полемические задачи. Ему глубоко антипатично представление о первобытном родовом коммунизме. Но, борясь против него, он противоречит сам себе на каждом шагу. То он заявляет, что «общественная жизнь» является необходимой предпосылкой всякой культуры, а потом утверждает, что уже дообщественный человек стоял на довольно высокой ступени культуры. То решительно отрицает всякие общественные связи у первобытного человека; то ограничивает это отрицание, говоря лишь об отсутствии общественного союза, основанного «на признании прав способности».

Последнее обстоятельство в особенности знаменательно. Конструирование «индивидуального искания пищи» неразрывно связано со стремлением доказать, что человеческая культура начинается лишь с появления собственности или урегулированного владения, напоминающих соответствующие отношения буржуазного общества. Так рассуждает Липперт. А вслед за ним и Бюхер утверждает, что «хозяйство всегда предполагает *обусловленное наличием и имуществом* человеческого общения, *накопление и имущества*». Но ведь противники Липперта-Бюхера всегда говорили, что общество, построенное на отношениях собственности, представляет очень поздний продукт развития, и что базисом хозяйства в течение длинного ряда тысячелетий было не «накопление имущества», а нечто совершенно иное.

Отрицая общественность первобытного человека в одних местах своей книги, Липперт, первоисточник Бюхера, в других местах уничтожает свое отрицание. Он признает, что первобытные люди соединялись в мелкие обособленные группы. Он допускает возможность, что различные группы соединялись для совместной охоты и совместной защиты от хищных зверей. Более того: группа, образовавшаяся вокруг матери и связанная не только соседством, но и совместностью труда, и для Липперта является той первичной формой общества, которая развилась уже у первобытного человека. И для Липперта кровная общность, род, служит той основой, на которой развивается трудовая сплоченность.

Таким образом, популярная одно время теория Липперта-Бюхера не в состоянии поколебать воззрений, установившихся

ся в современной науке: человек выступает с самого начала, как общественное животное; общность крови послужила первоначальной основой общественных отношений и — прежде всего — общественных отношений труда.

У первобытного человека, как у современных дикарей, кормление грудью продолжалось, вероятно, до очень позднего возраста, зрелость же наступала сравнительно рано. За тот короткий промежуток времени, который разделял эти два периода, — тот, когда дочь нуждалась в помощи матери, и тот, когда она сама становилась матерью, — связь между двумя поколениями еще не успевала порваться. Таким образом, род, охватывавший представителей нескольких поколений единоутробных родственников, становился *возможным*.

Новое поколение еще в том возрасте, когда оно нуждалось в защите взрослых и, быть может, даже в кормлении грудью, начинало принимать участие в поисках пищи. Оно усваивало от взрослых их опыт, который помогал при ловле добычи, при отыскании более обильных местонахождений пищи. Изолированный, первобытный человек быстро пал бы жертвой случайностей, неразрывно связанных с примитивными методами трудовой деятельности и с неразвитостью орудий труда. Трудовая сплоченность первобытной группы уменьшала этот элемент случайности; если одни члены группы в течение нескольких дней не нашли ничего, то другие, напавшие на богатую добычу, спасали от неизбежной смерти всю группу. Облавы на сравнительно крупных животных, по самому своему существу, возможны только для группы. Защита от хищных зверей тоже может быть организована только группой. По всем этим причинам родовая сплоченность была не только возможна, но и *необходима*.

Совместная борьба за жизнь упрочивала те связи, которые возникали благодаря общности крови. Размеры групп и степень их сплоченности были различны в зависимости от естественных условий обитаемой местности. Чем богаче природа, т. е. чем легче добывание пищи, тем обширнее группа, которая может жить на сравнительно небольшой территории; но тем больше и опасности, которые угрожают ей от стихийных явлений и от диких зверей. Здесь выживают в борьбе за существование только те группы, которые более обширны и теснее сплочены в своих трудовых отношениях.

Размеры групп уменьшаются, связи между членами их приобретают менее прочный и постоянный характер, когда группы вытесняются в такие области, где природа не принуждает к сплочению: где внешние опасности почти отсутствуют и где не требуется объединения труда для добывания пищи, напр., для собирания моллюсков и рыб, выброшенных приливами, или корней и низших сухопутных животных. Но у таких слабых и легко распадающихся бродячих групп культура не развивается: они погибают при ветре

с группами, развившими сильную сплоченность в суровой школе борьбы или оттесняются ими еще дальше.

Разделение труда, хотя бы в зародышевой форме, отсутствовало в первобытной родовой группе. Не намечалось еще и разделение труда между полами. В тех трудовых операциях, которыми поддерживалось существование рода, у мужчины не было никаких преимуществ перед женщиной. Такими примитивными орудиями, как палка и камень, одинаково хорошо владели мужчина и женщина.

При полном отсутствии разделения труда, в первобытном роде не было отношений господства и подчинения. Поэтому первобытный род не был в точном смысле слова не только патриархальным, но даже и матриархальным, так как в нем не было почвы для отношений властвования, для обособления организаторов от организуемых. Все различия, существовавшие между членами первобытного рода, сводились к естественным различиям возраста: к различиям между теми, кто еще нуждался в попечениях взрослых и не мог принимать участие в их труде, и теми, кто уже достиг полной работоспособности. Но и этот период беспомощности и подзащитности охватывал несравненно меньшее число лет, чем у современного культурного человека.

Распределительные отношения носили самый простой характер, являлись выражением того факта, что при низком развитии производительности труда отдельная личность поглощалась родом, могла существовать только с родом и в роде. Даже дикари, стоящие на более высокой ступени культуры, найдя добычу, криками сзывают сородичей, и только, когда все соберутся, начинается потребление. Таким образом, непосредственно осуществляется полное равенство и в лишениях, и в использовании удач. Только такая сплоченность рода и могла прикрывать его членов от превратностей первобытной жизни, когда человек не делал запасов и с величайшей медленностью совершенствовал орудия труда. Роды с меньшей сплоченностью были обречены на вымирание. Человек, оторвавшийся от своего рода, быстро делался жертвой голода или хищных зверей.

У первобытного рода вообще отсутствует какая бы то ни было собственность, какое бы то ни было имущество, если не считать таковым примитивные орудия труда. Но эти орудия настолько просты, что для отыскания и изготовления их требуются самые простые трудовые операции, затрата самого ничтожного количества трудовой энергии.

Впоследствии орудия усложняются, производство их требует большего количества труда, успешная борьба за существование требует большего количества орудий. Но и на этой более высокой ступени развития не проявляется ничего, напоминающего индивидуальную собственность. Орудия принадлежат всему роду; пользуется ими всякий член рода, у которого имеется в них нужда.

Но эти тесные, непосредственно коммунистические связи охватывавшие первобытных людей, были в высшей степени узкими связями. Сфера их не простиралась за пределы рода, т.е. группы кровных родственников, ведущих совместную борьбу за существование. Отделялся от старого рода новый, нечезала совместность борьбы,—и уже в ближайшем поколении один род становился чужим для другого.

Возможно, что человек первоначально был стадным животным. Небольшие стада людей встречались, временно сливались в одно стадо, потом опять расходились; состав каждой группы, вероятно, отличался большой неустойчивостью.

Но по мере того, как человек все более развивается в человека, по мере того, как совершенствуются орудия, вырастает сознание, возникает и прогрессирует речь,—та самая совместность борьбы, которая сплачивает членов одного и того же рода, все более отделяет его от других родов. Чем теснее внутренняя сплоченность каждого отдельного рода, тем глубже его обособление от других. Чем выше развитие речи, тем больше даже она разделяет членов различных родов. Чужие роды превращаются во враждебные роды. Между ними развиваются отношения беспощадной борьбы. Победленные поедаются.

Борьба со всеми соседними группами дает лишь новую опору для упрочения коммунистического характера всех отношений между членами одного и того же рода.

3. Возникновение идеологии.

Переход человечества от зоологического состояния к производственно-социальному имел своим результатом и своим выражением возникновение идеологии, т.е. прежде всего речи и мышления, затем социальных норм. Первичным идеологическим явлением была именно речь, как форма общения людей в трудовом процессе.

Согласно взглядам современной филологии, началом речи послужили аналогичные позднейшей трудовой песне коллективные крики, сопровождавшие совместные усилия людей в коллективной работе. Трудовая песня наших времен есть, разумеется, нечто гораздо более сложное, чем те элементарные крики; но своей стихийной непосредственностью и простотой они соответствовали скорее, напр., пению птиц. Но и в нынешней трудовой песне есть такие моменты, которые близко напоминают первоначальные трудовые звуки. Так, в нашей национальной «Дубинушке», звук «ух-х», соответствующий порыву коллективной работы, резко повышающемуся мускульному напряжению трудящихся, какому-нибудь, положим, общему толчку, сбрасывающему с их пути тяжелое препятствие,—этот звук является не просто частью слова «ухнем», а непосредственно трудовым междометием, ко-

торое в данном случае послужило и корнем для образования глагола «ухнуть». В знаменитой французской «Карманьоле», которая по своему происхождению была просто трудовой песней революционного народа при общественных работах, ее припев «са га» отнюдь не был только словесным выражением надежды на будущее, но также—непосредственно трудовым криком коллективного усилия. Впрочем, и сейчас можно указать элементарные трудовые крики, еще не перешедшие в форму песни, напр., «гоп-ля», «го-гой» у магросов при усилиях, связанных с натягиваньем каната и с вращением кабестана, «га» у дровосеков при ударе топором, и т. п. Таковы же были, в своем зарождении, «первичные корни» человеческой речи, согласно гениальному исследованию Людвиг Наурэ.

Эти звуки, повторяющиеся при работе, одинаковые для всех членов одной трудовой группы (неодинаковые вели бы к нарушению единства и ритма работы), оказывались естественными, для всех членов группы понятными обозначениями трудовых актов, которые ими сопровождались. Они развивались и усложнялись, в зависимости от развития и усложнения самого производства. Так возникли различные языки человеческих народов. Другие же человеческие звуки, междометия, несвязанные тесно с социально-трудовым процессом,—крики боли, радости, печали и т. п.,—не только не могли сыграть такой роли, но и сами оказывались зоологически-консервативны: на памяти истории, за целые тысячелетия они заметно не изменялись. Идеология была порождена именно производством, его отношениями и условиями.

Итак, первичные корни обозначали коллективные человеческие действия. Их значение, как организующей формы для трудового процесса, здесь вполне очевидно и просто: сначала, подобно рабочей песне, они регулируют труд и воздушевляют работников, затем получают еще смысл повелительного наклонения; т.-е. призыва к труду, и т. д. И во всем своем дальнейшем развитии идеология по существу остается тем же, чем она была в этих своих зародках: прямо или косвенно—организующей формой коллективной борьбы человечества с природой.

«Понятие» и вообще *мыслиение* возникают из речи, и представляют, выражаясь словами Макса Мюллера, ни что иное, как «речь без звука». Таким образом, познание, слагающееся из понятий, в своей основе столь же социально, как и речь, и столь же тесно генетически связано с производственной деятельностью.

Если первоначальные слова и понятия относятся только к человеческим трудовым актам, то впоследствии они, путем так называемой «основной метафоры», переносятся также на различные действия, происходящие во внешней природе. Это происходит бессознательно, стихийно, и приводит к огромному расширению поля идеологии, хотя количество

ее форм остается в данном периоде все-таки очень позитивным: оно измеряется немногими десятками, максимум — сотнями слов-понятий.

Итак, для первобытного мышления мир представлялся, как некоторая сумма *действий*, человеческих и нечеловеческих, стихийных. Идея «вещей» сложилась позднее и, вероятно, уже за пределами изучаемого периода (когда из общей системы труда выделилось, как самостоятельная его отрасль, производство орудий, о чем речь будет дальше).

Слова (и, следовательно, понятие) весьма рано начали служить для организации труда не только прямо, — как трудовые сигналы, — но и косвенно, как способ передачи и сохранения в группе накапливающегося трудового опыта. Если тот или иной производственный процесс, усложнялся, разбивается на ряд отдельных действий, для которых возникают особые обозначения, то ряд этих слов, взятых в той же самой последовательности, в которой идут соответственные действия образует *техническое правило*, запомнив которое, люди им руководятся при всех дальнейших повторениях данного производственного процесса: оно является как бы его словесным отпечатком. И в то же время «техническое правило» есть привычный зародыш и простейший элемент всякого научного познания.

Благодаря «основной метафоре», техническое правило может затем стать совершеннее и точнее, так как в нем находит себе место указание на порядок не только действий самих работников, но и сплетающихся с этими действиями изменений во внешней природе, в материале труда и т. п. Напр., если на какое-нибудь животное всего целесообразнее охотиться ранним утром, то все это могло быть выражено сочетанием трех слов, из которых первое обозначало, по-ложим, солнечный восход, вторым выражалось типичное и характерное для животного действие (из чего впоследствии развились названия животных), а третье соответствовало понятию охоты, ловли или убийства. — Точно так же, благодаря основной метафоре, стало возможно *описание* внешних явлений, напр., привычек того же самого животного, или смен в состоянии погоды, и т. д.

К «техническим правилам» принадлежали первоначально и формулы «обычаев», т. е. установившихся жизненных отношений между членами родовой группы, прежде всего, конечно, отношений сотрудничества и распределения: распорядок и связь действий отдельных лиц в общем труде, способ дележа добычи и т. п. Тут опять-таки технически и экономически организующая функция идеологии выступает с полной очевидностью.

Таковы основные формы первобытной идеологии, взятые в их генезисе. Мы видим, что по существу своему она была *социально-экономическим фактом*. Этот характер она сохранила и в дальнейшем, — он, как увидим, был только

затемнен и замаскирован ее сложным развитием в последующие периоды жизни человечества.

Было бы ошибочно представлять себе первобытную идеологию, как некоторую *систему* в современном значении этого слова. Еще не вполне обособившись от породившего ее производственного процесса, она развивалась только в непосредственной зависимости от него, и не могла складываться в сколько-нибудь самостоятельное формальное целое. Ни о каком «мировоззрении» первобытного человека, строго говоря, не может быть речи: его «идеология» не соответствует этому понятию.

То была неопределенная масса познавательного материала, бесформенный, с нашей точки зрения, комплекс элементарных практических знаний, достаточных для того, чтобы группа кое-как поддерживала свое существование в судорожной борьбе со стихиями. Связующих общих понятий не было: насквозь конкретное, примитивное мышление не могло возвыситься до таких отвлеченностей. Тем более должна была отсутствовать идея закономерности фактов, идея причинной связи явлений, для которой, к тому же, и вообще не было почвы в жизни, над которой тяготела власть бесчисленных случайностей. По тем же соображениям, не приходится говорить о «религии» первобытных людей, ибо религия есть уже система, уже мировоззрение, и всегда основывается на признании определенной закономерности бытия, — хотя бы это была не более, как закономерность личной воли каких-нибудь божеств.

Для современного сознания необходимо особое и неприглядное усилие, чтобы отрешиться от мысли о первобытном человеке, как существе «говорившем» и «мыслившем» в нынешнем значении этих слов. Много упорных заблуждений держится до сих пор в науке на основе модернизации примитивного мышления. Но строгие выводы исторически-абстрактного метода здесь вполне ясны.

Для понимания экономического развития первобытного общества, самой важной особенностью его идеологии является ее стихийный консерватизм, вытекавший из общих и основных условий тогдашней жизни людей. Величайшая узость трудового опыта, бедность жизненного содержания, какой мы мы даже не в силах себе представить, не давала для развития идеологии необходимого материала, а страшная напряженность борьбы за физиологическое существование не оставляла сил для «духовной» работы мозга. Выработываясь с почти биологической медленностью, в ряду тысячелетий, каждое понятие, каждое техническое правило, каждый обычай приобретали прочность и устойчивость, подобную консерватизму низших рефлексов. Того, что мы называем личностью, индивидуальностью, еще не было; люди и целые поколения стереотипно повторяли друг друга, и сила подражания только укрепляла жизненную неподвижность форм.

Мышление группы было сплошным и однородным. Вариации, отклонения встречались почти так же редко, как физические уродства, и имели для группы приблизительно такое же значение. Когда силы маленького коллектива едва достаточны для того, чтобы привычными, от предков перешедшими, приемами поддерживать его жизнь, тогда всякое изменение этих приемов, всякое нарушение стихийных родовых традиций есть угроза и опасность для существования группы; оно вызывает страх, тревогу, отчаянную самозащиту со стороны группы. Нарушение сложившихся технических правил или обычаев—случай исключительно—редкий; нарушителя убивают, как убивают негодного для трудовой жизни урода,—или же изгоняют, что равносильно убийству. Все это происходит естественно и просто, без суда, обсуждения, обвинения и т. п.,—потому что нет никакого «права», никакой «морали». Группа рефлекторно охраняет свое единство, свою однородность, свое бытие такую, какова она есть.

Так как идеология есть организующая форма производственной и, вообще, социальной жизни людей, то ясно, что максимальный консерватизм идеологии сам по себе обуславливает величайшую медленность экономического развития. *Преодолевать* этот консерватизм и *вынуждать* развитие способны только силы, столь подавляюще-властные по отношению к людям и их судьбе.

Такова сила абсолютного перенаселения.

4. Силы развития.

Родиной человека были жаркие страны с богатой природой, но человеческая культура не пошла в них дальше самых первых шагов. Человек легко добывает здесь необходимое количество пищи. Маленькое усовершенствование орудий,—а на этой ступени развития оно может быть только крайне медленным,—не дает никаких особых преимуществ в борьбе за существование.

Из одной саговой пальмы иногда извлекается до 700 фунтов сердцевины, 900 фунтов сердцевины достаточно для того, чтобы приготовить 600 фунтов саго,—количество, необходимое для пропитания человека в течение целого года. На приготовление его один человек затрачивает не более 10 дней. Человек отправляется в лес «нарубить» себе хлеба приблизительно так же, как современный человек—нарубить дров. После того, как топор развился в сколько-нибудь удовлетворительное орудие, дальнейшее усовершенствование техники прекращается: орудия труда достигли такой ступени развития, что при тех средствах, которые предлагает природа данной местности, существование человеческой группы вполне обеспечено.

Этот пример относится к довольно высокой ступени культуры. Но соответствующее явление имело место и на

ранних ступеней развития. Так, австралийские племена в изобилии находят необходимую пищу: корни и плоды, семена и низших животных, охота за которыми не сопряжена ни с какими опасностями и не требует сколько-нибудь совершенных орудий. Поэтому в Австралии, в особенности в глубине материка, до сих пор сохранились племена, стоящие на границе обезьяны и человека (*Affenmenschen*—человеко-обезьяны); они, как сообщают новейшие путешественники (1903 г.), не только доразвились даже до характерной для человека вертикальной походки и обладают лишь зародышевыми формами речи. Силы развития здесь до чрезвычайности слабы.

Группа, которая при помощи самых элементарных орудий труда достигла равновесия с окружающими условиями, может в течение длинного ряда тысячелетий воспроизводиться в неизменном виде, все с той же примитивной техникой труда, с тем же строем внутргрупповых отношений. Временные колебания во внешних условиях сопровождаются голодом, повышенной смертностью, понижением рождаемости, но не ведут к созданию более высоких форм приспособления. Возможно, что даже численность племен, населявших некоторые замкнутые извне местности, оставалась неизменной в течение тысячелетий. Стихийно «ограничивалось», если не число рождений, то число выживающих. Абсолютное перенаселение было налицо: при данных технических условиях данная территория не могла прокормить большего числа людей, чем в ней уже осуществляло. Лишение, голод, болезни, смерть, детоубийство, убийство стариков; удерживали население на данном уровне, сохраняли постоянно нарушавшееся равновесие между ним и средствами его существования. Техника оставалась застойной. Только вторжение племен, достигших более высокой ступени развития, полагало конец неподвижности.

Но такое устойчивое равновесие осуществлялось, по всей вероятности, лишь в исключительных случаях. Вообще же говоря, род, поселившийся в известной отграниченной территории, через несколько поколений наполнял ее. Достигнув такой численности, при которой он не мог находить пищу на сравнительно узком пространстве, при которой совместность борьбы уже не улучшала, а ухудшала его существование, он давал начало новым родам. Отделившись от материнского рода, новые роды иногда лишь в течение короткого времени сохраняли воспоминание о родстве с ним. Но уже скоро между ними устанавливались отношения борьбы, которая принимала тем более суровый характер, чем более население переполняло данную территорию, чем более оно «давило на средства существования», чем сильнее деятельность человека изменяла естественные условия местности в неблагоприятном направлении.

Побеждали те роды или племена, которые быстрее своих соперников приспособлялись к ухудшавшимся естественным условиям и в обостряющейся борьбе создавали орудия,

позволявшие перейти от собирания пищи к действительной охоте, переходили к приготовлению пищи, которое давало возможность полное утилизировать пищевые вещества, совершенствовались техника обороны и нападения, и т. д.

Но этот процесс совершался с величайшей медленностью. Те бесконечно-малые изменения техники, которые создавались здесь в огромные промежутки времени, не давали достаточно ощутительного преимущества одному роду или племени над другими. Для того, чтобы движение пошло быстрым темпом, требовалось, чтобы процесс борьбы, опирающийся на относительное техническое совершенство, разыгрался в более широком масштабе и столкнул между собою разнородную технику, развившуюся в разнородных территориях.

Заполнив территорию, племя продолжает возрастать далее, несмотря на возрастающие лишения и истребительную борьбу между отдельными группами. Часть родов вытесняется и постепенно отбрасывается в области с менее привычными условиями существования: с умеренным климатом, с более скудной растительностью, с меньшим изобилием низших животных. Здесь изменение техники становится повелительной необходимостью. Собирание пищи сменяется правильной охотой. Простая дубина, а затем примитивная булава—грубое соединение палки и камня—развивается и дифференцируется в копьё, молот и топор, для которых камень подвергается предварительной обработке, требующей огромной затраты трудовой энергии. Необходимость облав обуславливает развитие совместного труда в общий, планомерно организованный труд, в котором впервые заявляют о себе производительные силы общественного труда. Огонь получает постоянное применение,—сначала для защиты от холода, потом и для приготовления пищи. Шатер из ветвей, который первоначально служил для защиты от ветра и дождя, развивается в жилище. Раньше неподвижный, как застойная техника, ум начинает утрачивать свою неподвижность. Словом, человек во всех отношениях делает крупный шаг вперед от своих зоологических предков.

Таким образом развиваются новые формы приспособления к новым условиям существования. Далее повторяется то же, что и на первоначальной родине человека. После того, как техника достигла такой степени развития, которая обеспечивает воспроизводство населения более или менее постоянной численности, в замкнутых областях дальнейшее движение иногда останавливается на века, даже на целые тысячелетия. В других областях население растет, заполняет территорию, что приводит к явлениям, сопровождающим абсолютное перенаселение: болезням и голоду, ожесточенной борьбе между группами и, наконец, к переселениям.

Некоторые группы в своих блужданиях возвращаются в страны, из которых вышли их отдаленные предки. Но возвращаются уже обогащенные всеми завоеваниями, которые

они сделали в суровой школе борьбы. Исход столкновения старой и новой техники ясен. Аборигены—инертные племена, неподнявшиеся над ступенью стихийно сложившихся, преимущественно кровных связей совместного труда и самых примитивных орудий,—истребляются и оттесняются племенами, закалившимися в борьбе с более суровой природой, развившими сравнительно высокую технику, сделавшими шаг в направлении к сознательно-общественной организации коллективных трудовых операций. Здесь история повторяется сначала, но уже на ином, несколько повысившемся уровне.

Геологические перевороты в свою очередь могли сыграть роль в этом стихийном ходе развития, коренным образом изменяя общие условия существования. Но здесь,—напр., относительно значения ледникового периода, — возможны только более или менее правдоподобные гипотезы. Человек, отступая перед надвигавшимися с севера льдами, удерживался однако на границе ледникового пояса. Но он мог здесь удерживаться, лишь приспособляясь совершенно так же, как приспособляются племена, вытесняемые в сравнительно суровые области. Впоследствии, по мере того, как льды отступали к северу, он возвращался в свои прежние обиталища со всеми завоеваниями, сделанными в предыдущую геологическую эпоху.
